

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Советской Юстиции

РЕДАКЦИЯ: Москва, Рождественка, дом № 9.
Телеф. 1-11-64 и 1-20-85.

КОНТОРА: Москва, Рождественка, д. 9. Тел. 1--20-85.

№ 18.

20 Мая 1922 года.

№ 18.

СОДЕРЖАНИЕ:

Статьи: „Революционная законность на третьей сессии ВЦИК“—*Бранденбургский*. „Саботаж, бюрократизм и волокита“—*проф. Гродзинский*. „Вопросы действующего семейного права“—*Риндзюнский*. „Третья сессия ВЦИК“—*З.цев*. „Обзор советского законодательства за время с 28 апреля до 3 мая 1922 г.“—*Дронович*. Суд и жизнь: „Из повседневных заметок судебного работника“—*Никитин*. „В Московском Совнарсуде“. Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции; Практика Высшего Судебного Контроля. Хроника: „Институт советского права“ и др.—Почтовый ящик.—Официальная часть.—Объявления.

Революционная законность на 3-ей сессии ВЦИК.

III сессия ВЦИК заслушала и обсудила пять докладов, представленных Народным Комиссариатом Юстиции.

Исполняя волю Всероссийского IX Съезда Советов, Наркомюст в интересах укрепления революционной законности, авторитетнейшим органом Республики признанной необходимой для хозяйственного возрождения страны, разработал и представил в III сессию ВЦИК проекты декретов об организации прокуратуры и адвокатуры и проекты Уголовно-материального и Уголовно-процессуального Кодексов РСФСР.

ВЦИК подверг эти проекты серьезному и подробному обсуждению. Особенно много принципиальных возражений вызвала, с одной стороны, наша декларация об имущественных правах, поскольку члены ВЦИК'а опасались сделать хотя бы один лишний шаг в сторону признания частных прав сверх тех, которые абсолютно и безусловно вызываюся переживаемой нами стадией революции и необходимы для развития производительных сил Советской Республики; с другой—много внимания и споров сосредоточено было на вопросе о прокуратуре, поскольку члены ВЦИК опасались ущемления власти местных исполкомов, так как проект возлагает на прокуратуру осуществление, от имени государства, надзора за законностью действий всех органов власти. Сессии трудно было также согласиться со способом назначения, смещения и отстранения от должности местных прокуроров, которые, согласно проекту, должны находиться в непосредственном подчинении Прокурору Республики.

С точки зрения структуры всей нашей местной власти организация прокуратуры по типу на-

шего проекта, несомненно, представляет из себя некоторую непоследовательность, но если местный прокурор не будет непосредственно подчинен Москве, он, конечно, не сумеет исполнять обязанностей государственного ока, чем прокуратура должна быть по своему существу.

Положение казалось настолько серьезным III сессии ВЦИК, что она, несмотря на серьезные доводы, приводимые работниками юстиции, основанные на постановлении IV съезда деятелей юстиции, передала его только как материал в специальную юридическую комиссию из членов ВЦИК для разработки нового проекта декрета.

Очевидно, нужно время, чтобы местные работники губисполкомов, до сих пор руководящиеся только соображениями революционной целесообразности, поняли необходимость перехода к работе, построенной на твердом законе.

Все остальные проекты, представленные Наркомюстом, в общем и целом одобрены и сданы в комиссию для окончательной разработки и редакции, причем по поводу проектов наших кодексов был сделан только ряд указаний, касавшихся отдельных статей, а что касается адвокатуры, то общий смысл речей, произнесенных на съезде, сводился к тому, что мы готовы предоставить некоторые свободы защитникам, необходимые, чтобы защитники могли быть максимально авторитетны в глазах суда и их доверителей, но мы не допустим превращения адвокатов в корпорацию по типу старого сословия присяжных поверенных и не потерпим в Советской Республике никакой попытки организации государства в государстве.

В стороне стоит вопрос о частных и имущественных правах, который из нашего цикла обсуж-

дался первым и к моменту, когда пишутся эти строки, подвергся уже серьезной разработке со стороны комиссии, избранной сессией ВЦИК.

Чтобы установить точные взаимоотношения между государственными органами и частными лицами и объединениями, а также частных лиц между собой, комиссия предлагает ВЦИК'у предоставить гражданам РСФСР право организовывать промышленные и торговые предприятия, равно как и право собственности на некоторые строения и движимое имущество, точно перечисленные в проекте, и в случаях, проектом предусмотренных.

Признание права собственности, естественно, повлекло за собой и ряд других прав, как право наследования по завещанию и по закону супругами и прямыми нисходящими потомками (в пределах, однако, общей стоимости наследства не свыше 10.000 золотых рублей), и целый ряд обязательственных прав.

Мы будем иметь еще возможность вернуться к анализу частных имущественных прав, как вещных, так и обязательственных, которые комиссия собирает сейчас предложить сессии ВЦИК, после того, как проект будет принят, но сейчас нам хотелось бы только отметить два момента, которых, конечно, авторам не следует упускать из виду. Во-первых, внимание деятелей юстиции должно быть сосредоточено на том, что под частными лицами и объединениями, которым мы собираемся предоставить указанное выше право, ВЦИК разумеем исключительно тех, которые принимают участие в развитии производительных сил стороны,

и ни в малейшей степени не ведет речь о той породе нэпманов, которая на всякого рода посредничестве и прочих сделках, ничего общего с производством не имеющих, наживает бумажные миллионы.

Второе замечание нам хотелось бы сделать в связи с вопросом об имущественных правах, оно заключается в том, что мы своим декретом отнюдь не намерены восстановить бывших собственников, помещиков, буржуа и представителей других имущих классов в тех правах собственности, которые или фактически утрачены до настоящего момента в силу какого-нибудь законодательного акта, административного или иного распоряжения, или даже, вообще, в силу пережитых нами революционных событий.

Только так должен быть понят наш проект декрета об основных частных имущественных правах. Он касается будущего и никакой обратной силы иметь не должен.

Когда комиссии закончат все свои работы, когда ВЦИК своим решением превратит все указанные выше пять проектов Наркомюста в законы Советской Республики, будет заложен солидный фундамент для осуществления революционной законности в первой в мире трудовой республике.

И мы все должны ясно сознать, что революционная законность в данный исторический момент является лучшим способом укрепления советской власти.

Я. Бранденбургский.

Саботаж, бюрократизм и волокита.

Эти три преступления относятся к группе тех, что созданы были жизнью революционного периода и, хотя и не получили своего оформления в законе, тем не менее заняли определенное место в ряду других деликтов. Саботаж ранее упоминался чаще, теперь борьба с ним стала как будто менее актуальной, но зато на очередь встал вопрос о борьбе с другим нежелательным и вредным явлением, которое принято называть бюрократизмом и волокитой. Об этом явлении говорят, как о реальном зле текущего момента. Понятия бюрократизма и волокиты совершенно не определены и состав этих преступлений не формулирован с надлежащей точностью и определенностью. Дать такую формулировку лежит на обязанности законодателя, для чего должно уяснить себе сущность того явления, о котором идет речь, условия, при наличии которых можно говорить о преступлении, и признаки, отличающие данное преступление от другого с ним сходного. Анализ понятия бюрократизма и волокиты, с одной стороны, и саботажа, с другой, как сопрягающихся деликтов, и примерная формулировка их составляет задачу настоящего очерка.

Понятие саботажа, как преступления, может быть раскрыто отчасти путем анализа происхождения этого слова. Французское слово «sabot» среди многочисленных значений означает также всякую плохую, имеющую недостатки вещь; отсюда глагол «saboter» означает, между прочим, делать что-либо наскоро и плохо или небрежно. Кроме того, тот же глагол «saboter» на специальном

типографском языке означает умышленное допущение наборщиками ошибок при наборе. Отсюда слово «саботаж» начало употребляться для обозначения таких действий, которые умышленно совершаются неправильно и имеют целью вызвать те или иные затруднения. Если же от этих филологических изысканий перейти к «историческим» то должно будет припомнить, что о саботаже начали говорить в связи с отказом тех или иных должностных лиц от несения своей службы после октябрьской революции, в каковом отказе видели стремление этих лиц помешать работе вновь создаваемых или реформируемых учреждений. Затем понятие саботажа было расширено и обнимало собой уже не только отказ от работы, но и те случаи, когда работа эта производилась намеренно ненадлежащим образом.

Таким образом, основной признак, характеризующий саботаж, заключается в умышленном неисполнении или умышленно-ненадлежащем исполнении кем-либо лежащих на нем обязанностей—чаще всего обязанностей по службе, так как фактически саботаж, главным образом, возможен со стороны должностного лица. Но такое определение саботажа будет недостаточным, так как здесь отсутствует другой вещественный признак. Невыполнение или неправильное исполнение возложенных обязанностей может быть вызвано простой небрежностью виновного или его ленью; в этих случаях налицо будет наказуемое в порядке ли суда уголовного, или в порядке дисциплинарного взыскания деяние, которое составит небрежное ис-

полнение служебных обязанностей, но, во всяком случае, не саботаж. Для наличия этого последнего требуется еще специальный умысел—особая цель, преследуемая виновным, стремление затормозить работу данного учреждения, внести расстройство в его деятельность. Именно этот последний момент является характерным для саботажа в том его понимании, которое обуславливается самым происхождением этого понятия и образованием в нашей действительности взгляда на него, как на преступление. Поэтому саботаж может быть определен (как должностное преступление), как умышленное неисполнение или умышленно-неподлежащее исполнению должностным лицом обязанностей, лежащих на нем по службе, имеющее целью нарушить правильный ход работы соответствующего государственного учреждения или предприятия.

Более трудным представляется определение бюрократизма, как не всегда достаточно отчетливого в своих проявлениях наказуемого деяния. Бюрократизм, как система ведения дел, характеризуется производством, обставленным рядом формальностей. Но эти последние являются необходимыми в каждой системе управления и поэтому соблюдение формы само по себе не только не является преступным, но напротив того требуется законом или иным имеющим обязательную силу постановлением. Поэтому отличительный признак должно искать в чем-то другом, что делает соблюдение формы явлением вредным. Это имеет место в тех случаях, когда форма начинает господствовать над сущностью, когда форма соблюдается не ради интересов дела, а ради самой себя. Поэтому бюрократизм, как явление отрицательное, будет налицо всякий раз, когда вводится та или иная формальность, не требуемая обстоятельствами дела и лишь влекущая за собой излишние затруднения и потерю времени и труда. Такой наказуемый бюрократизм имеется налицо, когда, например, начальник того или иного учреждения или отдела вводит излишние формальности в делопроизводство или когда должностное лицо требует от обращающегося к нему учреждения или гражданина соблюдения формальностей, прямо не предписанных законом или инструкцией, причем такое требование не определяется интересами дела и создает затруднения для учреждения и лиц, к данному должностному лицу обратившихся. Но сказанным не исчерпывается понятие бюрократизма, как явления требующего внимания уголовного или дисциплинарного суда. Форма вводится и существует не сама по себе, а в интересах дела, почему иногда, когда это необходимо, она приносится в жертву этим последним. В виду этого отступления от формы, хотя бы и в надлежащем порядке установленной, иногда не только допускаются, но и требуются от должностного лица, сознательно относящегося к своим обязанностям; бюрократизм же, в худшем своем виде, именно тем и характеризуется, что в нем форма господствует над делом и что существо и интересы последнего приносятся в жертву, лишь бы форма была соблюдена. Поэтому в состав бюрократизма, как наказуемого деяния, входят и те случаи, когда должностное лицо соблюдает установленную форму, хотя бы от

этого последовал вред для государственных или частных интересов, каковой вред мог бы быть предотвращен отступлением от данной формы, о чем должностное лицо знало или должно было знать при сознательном отношении.

Все сказанное выше относительно бюрократизма имеет в виду те случаи, когда виновное должностное лицо способствует «торжеству» формы в ущерб интересам дела, не имея в виду нанести этот ущерб сознательно. Если же действия виновного вызваны были намерением затормозить работу данного учреждения или предприятия, то имеется уже саботаж, так как в этом случае налицо все признаки последнего, именно—умышленно-ненадлежащее исполнение обязанностей, имеющее целью внести определенную дезорганизацию. Что же касается волокиты, т.е. неоправдываемой обстоятельствами дела медленности производства, то чаще всего она является прямым последствием саботажа или бюрократизма, как самостоятельное же наказуемое деяние она может иметь место лишь в качестве одного из видов небрежного отношения к своим обязанностям, при чем выделение этого вида, не меняя природы его, может содействовать лишь более отчетливому выявлению этого преступления, как имеющего особое значение с точки зрения законодателя.

Резюмируя все сказанное выше, можно дать следующие определения рассмотренных наказуемых деяний.

Саботаж, как должностное преступление, есть умышленное неисполнение или умышленно-ненадлежащее исполнение должностным лицом лежащих на нем по службе обязанностей, имеющее целью нарушить правильный ход деятельности государственного учреждения или предприятия.

Бюрократизм есть: а) требование со стороны должностного лица соблюдения излишних, не установленных законом и не оправдываемых интересами дела формальностей, влекущих за собой медленность или затруднения в деятельности государственного учреждения или предприятия или же причиняющих ущерб государственным или частным интересам;

б) соблюдение должностным лицом формальностей, хотя и установленных в надлежащем порядке, но влекущих за собой в данном случае ущерб для государственных или частных интересов, каковой ущерб мог быть предотвращен путем отступления от означенных формальностей, о чем должностное лицо знало или должно было знать при сознательном отношении к своим обязанностям.

Волокита есть небрежное исполнение должностным лицом лежащих на нем по службе обязанностей, вызывающее медленность в ходе деятельности данного учреждения или предприятия или же медленность в производстве по отдельному делу.

Определения эти не могут претендовать на исчерпывающую полноту, но, являясь попыткой анализа указанных выше преступлений, они должны послужить для дальнейшего исследования и установления состава тех деликтов, которые должны получить свою формулировку в виде соответствующих статей Уголовного Кодекса.

Проф. М. Гродзинский.

Вопросы действующего семейного права*).

V.

Приданое жены.

Судебная практика выдвигает довольно часто вопрос о судьбе приданого, где укоренившиеся в массах населения (по преимуществу крестьянских) взгляды не соответствуют его юридическому существу. В предыдущей главе уже отмечалось, что уходящая из семьи жена или вдова имеет право взять с собой принесенное ею приданое. Казалось бы, этот вопрос так не сложен, что нет почвы для каких-либо сомнений, однако, ряд судебных процессов выдвигает и здесь довольно существенные недоумения; оказывается, что как женами, так и мужьями недостаточно усвоен тот взгляд, что приданое должно возвратиться в том виде, как оно оказывается к моменту, когда поставлен вопрос о его возвращении; если жены не могут требовать возмещения всего использованного в течение совместной жизни, то, с другой стороны, все естественное увеличение ценности приданого должно быть обращено в их пользу, поэтому, например, неправильно возражение ответчика - мужа о том, что жена, принеся в приданое жеребенка, по прошествии шести лет брака имеет право только на получение такого же жеребенка, а не взрослой лошади, в которую он превратился, равно как неправильно и притязания жены на приплод от ее приданого - коровы, получившийся за время брака, ибо этот приплод является новым и самостоятельным имуществом, полученным семьей в результате общего хозяйствования, а между тем, с обоими этими притязаниями пришлось столкнуться в практике Высшего Судебного Контроля. Несколько более сложным представляется вопрос о денежной сумме, полученной в виде приданого, она лишь очень редко оставляется в виде денег, обычно же на эту сумму приобретается что-либо из живого или мертвого инвентаря или она вкладывается в ремонт и пополнение построек. В делах о семейно-имущественном разделе постоянно встречаются указания жен на несправедливое удержание мужем какой-либо скотины, купленной на деньги, полученные от жены в приданое, или даже на некоторую часть построек, выстроенных на ее деньги. Исходя из тех же соображений, что однажды использованное имущество, входившее в состав приданого не возвращается, необходимо признать, что деньги, употребленные на покупку чего бы то ни было, также нельзя истребовать обратно, безразлично остаются ли в составе семейного имущества приобретенные предметы к моменту ликвидации брачных отношений.

Часто встречаются дела другого рода, где разрешаются иски родителей бездетно умершей жены к мужу о возврате данного ими приданого. Такие требования особенно настоятельны, когда брак был непродолжительным и у родителей «снарядивших дочь замуж и справивших приданое», еще не проникло сознание о том, что это приданое освоено мужем. Это сознание не мирится с теорией, что приданое есть исключительная соб-

ственность жены и в силу ст. 9-й декрета об отмене наследования может переходить к оставшемуся мужу: народные суды решительно становятся в таких случаях на сторону родителей и присуждают им возврат всего данного дочери при вступлении в брак, очень часто не считаясь даже с тем, что уцелело, и необходимо твердое указание в Кодексе об актах гражданского состояния, что после смерти жены судьба ее приданого определяется общим порядком о посмертном имуществе, при чем ст. 9 декрета об отмене наследования оставляет полную возможность суду по обстоятельствам дела предоставить его нуждающимся или нетрудоспособным родителям.

VI.

Имущественные последствия незарегистрированных браков**).

В судебной практике до сих пор еще приходится довольно часто встечаться с фактами невыполнения ст. 1-й декрета о гражданском браке и 53 ст. Кодекса об акт. гражд. сост. о том, что браки должны совершаться путем регистрации в отделе записей актов гражданского состояния; иногда это бывает потому, что живущие в браке по тем или иным причинам не находят нужным оформить свой союз официальным порядком, иногда потому, что сознание необходимости заключения гражданского брака еще недостаточно проникло в массы и супруги ограничиваются совершением церковного обряда. По прекращении таких незарегистрированных браков смертью мужа или разрывом союза возникают требования имущественного характера со стороны жены, как всегда имущественно более слабой, к свекору или мужу; те защищаются ст. 52-й Кодекса, говорящей, что «только гражданский советский брак, зарегистрированный в отделе загс, порождает права и обязанности», выводя отсюда, что при отсутствии такой регистрации путь к требованию алиментов или выдела закрыт.

Рассматривая эту статью исторически, по моменту издания декрета, необходимо признать, что истинным намерением законодателя было вовсе не укрепление необходимости официального заключения брака, ибо советское право не может придавать значения этой формальности, понимая брак как свободное соглашение, могущее быть расторгнутым в любой момент по воле каждой стороны, и уничтожая всякую разницу между детьми брачными и внебрачными; этой статьей законодатель стремился переломить царящее в массах признание союза, только освещенного церковью, и хотел подчеркнуть решительно, что отныне с установлением гражданской регистрации браков перед органами советской власти прежний церковный брак, как и всякий другой обряд, никаких последствий не порождает. Таким образом, ясно, что ст. 52 отнюдь не имела намерения поразить притязания незарегистрированной жены

***) От редакции: Мнение автора о значении регистрации гражданского брака спорно и требует дискуссии.

*) См. № 14—15 „Еженедельника Советской Юстиции“.

и она должна признаваться имеющей все те права по имуществу, как и та, брак которой оформлен, если по обстоятельствам дела суд придет к выводу, что этот союз не был случайной (или мимолетной) связью, а имел признаки брачного союза, т. е. общность хозяйства, большую или меньшую продолжительность и т. п. При этом, конечно, факт церковного брака (заключенного после 20 декабря 1917 года — дня издания декрета о гражданском браке, потому что заключенные до этого времени имеют силу зарегистрированных) сам по себе просто не имеет никакого значения и может быть обсуждаем судом только, как одно из доказательств действительного намерения сторон вступить в брачные отношения, таким образом, церковный брак при отсутствии гражданской регистрации не может сам по себе ни парализовать прав супруга, ни тем более установить их.

Разъяснения, изложенные в предыдущих главах, достаточно определены, думается нам, наметили исходное положение, из которого следует вывести право на получение выдела имущества после распада внебрачной семьи; это все тот же принцип трудового совместного хозяйства, которое велось при незарегистрированном союзе таким же совершенно порядком, как и в формальном браке, и как в последнем мы признавали за женой в виде выдела некоторой доли общего семейного имущества так под тем же самым основанием нельзя отказать в этом и лицу вкладывавшему свой труд в общее хозяйство и создававшему общее благосостояние только потому, что оно в свое время не озаботилось, не хотело, или не считало нужным запастись соответствующими бумажными документами. Спорным является вопрос о праве на алименты, т. е. на материальную под-

держку в случае нетрудоспособности на дальнейшую жизнь после прекращения сожителства. Здесь как-будто бы обязанность поддерживать нетрудоспособного супруга носит в себе еще отзвуки прежних взглядов на брак, как установление, связывающее людей прочными узами, переходящими за пределы их фактической связи. Однако, и в этом случае представляется нам, что не должно быть разницы между обязанностями, возникающими при зарегистрированном браке и незарегистрированном союзе, имеющем признаки семейной брачной жизни. В самом деле, надо помнить, что регистрация брака имеет значение лишь внешнее, формальное, удостоверяющее известные отношения, но этому акту нельзя приписывать такой силы, которая сама по себе создает какие-либо права, ибо права эти возникают не в силу регистрации, а в силу существования союза, далее нетрудоспособность в значительной степени является последствием непосильной трудовой жизни и, стало-быть, поскольку этот труд был на общую пользу, супруг, у которого остались все результаты этого труда, обязан возместить потерю сил, вложенных в его благосостояние, и наконец, алименты заменяют собой единовременный выдел имущества, что, как уже установлено, является возмещением труда.

Таким образом, необходимо признать, что если судом установлено, что незарегистрированный союз имеет по существу характер брачных отношений, то фактом отсутствия записи этого брака нельзя обосновывать отказа во всех тех имущественных последствиях, которые несет за собой прекращение брака.

Григ. Рындзюнский.

III сессия В. Ц. И. К.

12-го мая с. г. в Москве в бывш. тронной зале Большого Кремлевского Дворца открылась 3-я сессия ВЦИК. На повестке дня такие боевые вопросы, как декларация имущественных прав, организация прокуратуры и адвокатуры, Уголовно-материальный и Уголовно-процессуальный кодексы.

Целая система норм, долженствующих закрепить в Советской Республике революционную законность и наметить те точки соприкосновения между борющимися классами рабочих и крестьян и буржуазией, которые вытекают из новой экономической политики. Грандиозность заданий вызывает на всем протяжении прений по этим вопросам неостывающее, глубокое внимание всего состава ВЦИК.

Первым выступил Нарком Юстиции тов. Курский с докладом о декларации имущественных прав. Эпоха новой экономической политики приводит к необходимости урегулировать право частной собственности. Должно исходить из положения, что максимум уступок пролетариата в этом пункте не может идти далее предоставления права собственности на движимость. Недвижимая собственность, поскольку она связана с частной собственностью на землю, безусловно исключается из области возможных уступок. В

1921 году было декретировано право собственности на немunicipализированные строения. Право это безусловно должно сопровождаться правом передачи арендных прав на землю. В том же 1921 г. право частной собственности было распространено на предприятия и орудия производства. Отсюда логически вытекает как право частной собственности на движимое имущество, так и право залога, залога строений, тесно связанное с правом аренды земли, провозглашаемым уже принятым 3-й сессией ВЦИК проектом декрета о трудовом землепользовании. Отсюда уже следует необходимость признания права на изобретения, авторского права и т. п. Совершенно естественным далее является декларирование права наследования. Однако, последнее ограничивается определенным кругом лиц, в нем участвующих, что не находится в противоречии даже с нормами новейшего буржуазного права. Далее устанавливается и другое следствие признания права наследования по завещанию: обложение прогрессивным налогом.

Какие обязательственные права могут быть предоставлены гражданам для развития производительных сил? В настоящее время уже имеется институт обязательственных прав о подрядах, поставках и т. д. Очевидно, необходима дальнейшая изолировка обязательственных прав.

Основное положение декларации имущественных прав в том и заключается, что всякому гражданину предоставляется право заключать какие бы то ни было договоры, сделки и т. п. лишь бы они не были запрещены законом. Необходимо оговориться, что интересы государства постоянно должны превалировать над интересами личности. Личность же пользуется защитой со стороны государства в пределах предоставленных законом прав. Противоречие предшествующему положению влечет за собою расторжение договора. Поскольку последний направлен к явному ущербу для государства, он также расторгается.

Доклад вызывает оживленные прения. Резким критиком проекта выступил тов. Рязанов. Мы должны способствовать, а не задерживать ход социальной революции на Западе. Будучи вынуждены на уступки «всерьез и надолго» в области имущественных правоотношений в силу капиталистического окружения, мы должны тем не менее, исходить из положения—maximum уступок должен стоять не выше того, что все честные социалисты требуют на Западе. В частности, коммунисты никогда не требовали экспроприации индивидуальной собственности, а лишь только—капиталистической частной собственности.

Ряд ораторов отмечает недостатки проекта: проект—декларация прав собственника и предпринимателя, в то время как желательна и нужна регламентация их прав, по существу он—защита прав буржуазии, между тем надо декларировать также права трудящихся.

Отчетливую отповедь критикам дал тов. Гойхбарг. Новая экономическая политика—это не дурная болезнь, как ее рассматривают оппоненты, это есть нечто здоровое. Поскольку мы придерживаемся НЭПа, мы должны идти на уступки, компромиссы и т. п. и как-будто говорить о больших уступках буржуазии не приходится. Проект имеет задачей не только декларирование прав имущественных, но и ограждение от более широких поправок.

Декларация ограничивает права нэпманов, фиксирует границы уступок—такова характеристика проекта в том виде, как ее дал в своем заключительном слове тов. Курский.

Принятый за основу проект передается в специально избранную комиссию для окончательной обработки и редактирования.

Серьезные прения вызвал доклад тов. Крыленко о прокуратуре. Читателям «Еженедельника Советской Юстиции» уже из отчета о 4 с'езде деятелей юстиции детально известен соответствующий доклад с'езду, сделанный тем же тов. Крыленко. Нет надобности поэтому на нем останавливаться. Напомним только кратко основные положения докладчика. Необходимость установления революционной законности признана всеми. Сущность понятия революционной законности логически приводит к выводу о необходимости организации прокуратуры. Каковы функции последней? Прокурор—обличитель; прокурор—руководитель следствия, прокурор—лицо, предупреждающее правонарушения, лицо, осуществляющее государственный надзор за законностью действий тех или иных граждан или учреждений Республики.

Прокуратура непосредственно подчиняется Прокурору Республики, которому принадлежит исключительно право увольнения от должности.

Прения по докладу тов. Крыленко были соединены с прениями по вопросу о введении адвокатуры. Докладчиком об адвокатуре был тов. Бранденбургский. Последний изложил историю организации защиты в нашем суде за истекшие 4 года.

Уничтожая адвокатуру—сказал докладчик,—советская власть не выбрасывала мысль о необходимости защиты, вообще. В тех или иных формах защита существовала. Опыты с различными формами организации защиты были проделаны и в настоящее время нужно перейти к таким формам, которые подходят к современным условиям.

Условия НЭПа заставляют придти к формированию кадра защитников на иных началах. Адвокатская организация, не приобретая никакой корпоративности, должна получить некоторую автономию при условии, что занятие адвокатурой не есть несение государственной службы.

Первоначальный состав коллегии защитников назначается губисполкомом, а в дальнейшем зачисление в нее новых членов производится президиумом коллегии, губисполкому же предоставляется право отвода. Общий надзор за деятельностью адвокатуры осуществляется соответствующим губернским органом юстиции. Однако, введение адвокатуры оговаривается категорическим условием: прежде построить реально сильную прокуратуру, затем уже адвокатуру.

В прениях по обоим докладом выявились возражения со стороны отдельных членов сессии тому и другому пректу. В отношении проекта о прокуратуре ораторы выдвинули положение, что в том виде, как она предлагается, прокуратура оказывается своего рода надстройкой над губисполкомами и есть опасение, что это может повести к умалению провозглашенных конституцией прав центральных губернских органов соввласти.

Тов. Оганович настаивает на обязательности представления губпрокурорами отчетов не только Прокурору Республике, но и губисполкомам.

Тов. Скрышник, всецело поддерживая проект о прокуратуре, возражает оппонентам: «в таком случае и огород городить не к чему». По его мнению, надо ввести в проект определенный пункт, который бы твердо устанавливал невозможность административного воздействия.

Тов. Смидович видит смысл создания прокуратуры не в воскрешении однозной прокуратуры, а в создании института укрепителей законности. Надо воспитать население в законности, а не выдвигать фигуру чуть не прежнего прокурора.

Ему удачно в заключительном слове возразил т. Крыленко, сказав, что реальный путь воспитания в законности и есть создание сильной прокуратуры, деятельность которой по существу и будет постоянным воспитательным стимулом для всех.

Тов. Осинский усматривает в проекте желание Наркомюста создать сильный аппарат, но, в сущности говоря, это является попыткой отделить государственное управление от самоуправления мест и даже власть административную—от судебной. Однако, соединение в одном государственном органе всех прерогатив власти—завоевание революции. Нет, революционную законность надо воспитывать каким-то иным путем.

Тов. Рязанов делает из проекта вывод, что власть Прокурора Республики ставит Наркома Юстиции вне всех остальных наркомов, подчиняя его непосредственно ВЦИК, а не СНК.

Интересным моментом заседания было выступление по этому вопросу Председателя ВЦИК тов. Калинина.

Суть назначения прокуроров из центра—говорит он—в том и заключается, что определенное, облегченное особыми полномочиями лицо осуществляет из центра через подчиненных ему агентов—губернских прокуроров—надзор за законностью мест, являясь, таким образом, «оком центра». Такого надзора нельзя будет провести, если подчинить губпрокурора местному губисполкому.

«Мы переживаем третью стадию проведения законности на местах: прошли военная и чекистская, наступила юридическая». Несомненно, что так же, как в свое время в военном ведомстве и ВЧК, сейчас централистические стремления Наркомюста должны логически усиливаться. Организация прокуратуры—бесспорно наилучший способ воспитать в законности местные органы власти. Всем возражающим против подчинения прокуроров прямо центру, в связи с якобы возможным вмешательством их, таким образом, в деятельность губисполкомов, надо категорически указать на основное положение проекта: прокурор вмешивается только там, где есть нарушение закона, и нигде больше.

После заключительного слова тов. Крыленко в связи с сильной критикой проекта последний, по предложению президиума, был сдан в юридическую комиссию, как материал.

Одновременно же был принят за основу проект об адвокатуре, чему предшествовали оживленные, параллельные с обсуждением вопроса о прокуратуре, прения и заключительное слово докладчика.

Так, т. Скрыпник утверждал, что, по его мнению, проектом создается не только защита, но и восстанавливается корпорация. Причина, по видимому, кроется в политическом соглашении Наркомюста с московской адвокатурой. Это недопустимо. Надо ввести пункт, которым бы предусматривалось торжественное обещание адвокатов о честной работе для Республики при вступлении их в адвокатскую организацию.

Тов. Рязанов усмотрел в проекте жест в сторону Антанты. Адвокатура, по его мнению,—это гарантия иностранным капиталистам.

«Надо только удивляться, рассматривая проект по существу, как быстро советские юристы совлекли с себя одежду революции и пошли по старому пути». Но уж если приходится идти на организацию адвокатуры, то почему не дать ей полную свободу действий. Ведь мы слишком сильны, чтобы не бояться этого.

На очереди доклады тов. Курского об Уголовном Кодексе РСФСР и тов. Крыленко об Уголовно-процессуальном Кодексе.

Новый Уголовный Кодекс есть синтез всех накопленных за 4 года революции прецедентов и норм, продиктованных революционным правосознанием рабочих и крестьян, освещенных марксистским пониманием наказания и новейшими течениями ученой юридической мысли. Интересы со-

ветского строя в их реальной, в условиях капиталистического окружения, совокупности служат фундаментом Кодекса.

Наказание не рассматривается, как месть за совершенное преступление. Оно, правда, и не чисто воспитательное мероприятие, ибо, пока существует капитал, будет действовать и наказание. Преступления современной эпохи—продукт капиталистической собственности. Преступления в Кодексе разбиваются на преступления, направленные против советского строя, и на преступления, связанные со старым строем, являющиеся его пережитком, таящие в нем свои корни, не имеющие никаких черт правонарушений, связанных именно с советским строем.

Кодекс—это первая попытка систематизировать уголовное право, закрепить в точно выраженных нормах как наследие прошедшей эпохи, поскольку оно до сих пор не изжито, так и право, выкованное в горне революции.

Кодексом предусматриваются общие начала применения наказаний за преступления для всех без исключения (независимо от подданства) граждан, находящихся на территории РСФСР.

Лишение свободы, принудительные работы, условное осуждение, конфискация имущества, лишение прав, возложение обязанностей загладить причиненный вред и т. п.—вот основные виды наказаний, отныне узаконяемых и оформляемых. Временно не исключается применение высшей меры наказания, но обусловливается местностями объявленными на военном положении.

В прениях по докладу обнаружилось сильное течение против передачи народному суду карательной санкции за нарушение обязательных постановлений, так как такая передача привела бы к волоките: суды и без того перегружены. Такие нарушения должны наказываться немедленно, иначе теряется смысл наказания.

Указывалось далее на несогласованность наказаний по ряду правонарушений и преступлений, что иллюстрировалось целой серией примеров.

Некоторые ораторы, указывая на короткий срок (5 лет) максимального лишения свободы, требовали прекращения всяких амнистий, считая, что ими сводится на нет даже такой небольшой срок наказания.

Тов. Гойхбарг, отвечая на реплики оппонентов, защищал положения Кодекса.

Тов. Бройдо от имени комиссии Малого Совнаркома по рассмотрению и выработке Уголовного Кодекса выдвигает несколько предложений. Необходимо выкинуть отрывку минувшей эпохи—определение наказания. В соответствии с социалистическим правосознанием надо изъять наказание по аналогии, ибо nullum crimen, nulla poena, надо повысить 5-ти летний срок лишения свободы до 10 лет, надо понизить возраст несовершеннолетних преступников, что вполне отвечает обстановке переживаемого момента; 18-летний же возраст, как грань—это сантиментализм. Смертную казнь следует пояснить и выдвинуть открыто на время неизбежной возможности контр-революционных посягательств; Кодексу придать обратную силу, так как он является оформленным обобщением всего накопленного за 4 года пролетарского правотворчества.

В заключительном слове тов. Курский указывает на своевременность введения единого для всей Республики Уголовного Кодекса.

Выделение административных взысканий целесообразно, надо улучшить положение нар-судей и этим вопрос разрешится сам собой. Наказания по аналогии следует оставить. Нельзя же, ведь, перейти сразу от социалистического правосознания к применению наказаний по букве закона.

Уголовный Кодекс принят за основу и передан в комиссию для окончательного редактирования.

Стройная система судебного процесса, закрепленная в строго установленных положениях закона—таково впечатление от следующего доклада об Уголовно-процессуальном Кодексе.

Тов. Крыленко охарактеризовал кодекс, как систематизированную практику всех судебных мест. Усвоение начал его поэтому не встретит никаких трудностей. Кодекс является предпосылкой к правильной системе единого народного суда, он есть своего рода декларация прав; каждому индивидууму предоставляется защищать свое право так же, как государству ограждать от правонарушений.

Ограничивается заключение под стражу в порядке предварительного следствия. Если Уголовный Кодекс за данное деяние не предусматривает лишения свободы, то заключение под стражу не допускается.

Во избежание волокиты из-за пререканий о подсудности устанавливается обязательность рас-

смотрения каждого дела в том суде, куда оно первоначально направлено.

Если совершенное деяние по Уголовному Кодексу карается до 1 года заключения, оно от органов дознания направляется непосредственно в суд, если свыше, дознание получает дальнейшее движение властью прокурора.

По правонарушениям, караемым до 6 месяцев, обвиняемый может и не являться в судебное заседание при рассмотрении его дела, свыше—обязан.

Всякое обвинение должно быть предъявлено обвиняемому безусловно за 24 часа до судебного заседания. Исключений никаких не допускается.

Доклад особых прений не вызвал, если не считать выступления тов. Ларина.

Нельзя вводить монополию адвокатуры, как привилегированной защиты, не следует выделять должностных преступлений в смысле особой подсудности, судоговорение должно происходить на местном языке—таковы реплики тов. Ларина.

Уголовно-Процессуальный Кодекс также принимается сессией ВЦИК за основу.

Таким образом, юридическая повестка дня сессии исчерпана. В результате сессии Советская Республика получает новое строение судебной системы, более сложное, более отчетливое, чем до сих пор, способствующее проведению в жизнь твердых начал революционной законности.

С. З—цев.

Обзор советского законодательства

за время с 28 апреля по 3 мая 1922 г.

Из опубликованных за обозреваемый период декретов заслуживает быть отмеченным прежде всего:

1) декрет СНК «о невыселении в административном порядке граждан из занимаемых ими жилищ». Запрещая выселение граждан иначе, как по суду, и притом лишь в двух случаях: а) хищнического отношения к жилью, влекущего за собой разрушение его, и б) неплатежа квартирной платы, декрет вместе с тем существенно ограничивает компетенцию жилотделов, оставляя в их ведении: а) принудительное выселение лиц, живущих в зданиях, выстроенных под школы, больницы, банки; б) перемещение учреждений из занимаемых ими помещений в муниципализированных домах с целью уплотнения или рационального размещения учреждений; в) уплотнение или перемещение жильцов в целях уплотнения из одной квартиры в другую в пределах того же дома в случаях, когда жильцы не используют в течение двух недель предоставляемого им права самоуплотнения.

Уплотнение в домах, сданных в аренду, производится арендатором под общим контролем жилищных отделов. Уплотнению не подлежат лица, занимающие дополнительную площадь, согласно существующих положений, в пределах этой до-

полнительной площади. Дополнительным постановлением СНК, опубликованным в «Изв. ВЦИК» от 17-го мая, правила о невыселении в административном порядке не распространяются на нетрудовые элементы, живущие в домах рабочих коммун в гор. Москве: декрет в значительной части является воспроизведением аналогичного декрета от 25-го мая 1920 года (Собр. Узак. № 52, ст. 227, 1920 года). Так, ст. 5 этого декрета вошла целиком в новый. Надо считать также сохранившими силу 6, 7 и 8 ст. декрета от 25-го мая—20 года, а в отношении нетрудовых элементов, живущих в домах рабочих коммун, и ст. 2 этого декрета. Таким совместным применением декретов может быть устранено много недоразумений, могущих возникнуть на практике. Тем не менее возникают некоторые вопросы, недостаточно ясно освещенные в декрете. Жилец выселяется по суду за хищническое отношение к жилью, влекущее за собой разрушение его. Это, во-первых, слишком неопределенно, во-вторых, создает слишком большую льготу для жильца в отношении способа пользования квартирой. Просто небрежное отношение к жилищу под формулу декрета не подойдет. Наряду с такой льготой крайне сурово звучит второе основание к выселению из квартиры по суду: просто неплатеж. Декрет не принимает во внимание ни

оснований неплатежа, ни сроков, в течение которых он производится, ни, наконец, единичность или многократность неплатежа. При крайне затруднительном положении, в котором в настоящее время находится много граждан благодаря сокращению штатов, выселение за неплатеж квартирной платы следовало бы обставить условиями, смягчающими положение лиц, утративших заработок или по болезненному своему состоянию не могущих работать. Далее выселение в административном порядке упраздняется, но сохраняется за жилотделами право переселения в пределах того же дома с целью уплотнения. Практическая необходимость в таком переселении незначительная, а злоупотребления, связанные с ним, отмечались уже в периодической печати. Поэтому и право на такие переселения следовало бы аннулировать тем паче, что в самом декрете оно поставлено в зависимость от неосуществления жильцом предоставляемого ему права самоуплотнения в течение двух недель, которое, надо полагать, он всегда использует в виду грозящей ему перспективы принудительного уплотнения.

Наибольшие недоразумения вызовет право, предоставляемое декретом частным арендаторам домовладений, уплотнять лиц, снимающих у них квартиры. Это, несомненно, повлечет за собой целый ряд злоупотреблений со стороны таких арендаторов и даст им возможность просто не соблюдать квартирные декреты.

Кого, далее, декрет разумеет под лицами, живущими в зданиях, выстроенных под школы, больницы, банки. Подлежат ли выселению те, кто живет при функционирующих учреждениях, перечисленных в декрете, если даже они функционально связаны с этими учреждениями. И какие особые признаки зданий, выстроенных под банки.

Наконец, нельзя не отметить, что примечанием к п. 2 декрета на жилотделы возложены функции, которые, согласно п. 6 статьи 1 декрета СНК от 24 ноября 1921 года «О комиссии по разгрузке гор. Москвы», возложены на эту комиссию.

Кроме вышеуказанного, за обозреваемый период были опубликованы декреты:

2) **Об отмене государственных налогов и местных сборов, существовавших до 1921 года** (Изв. ВЦИК от 28/IV—22 года, № 23).

3) **Дополнение к декрету СНК о фондовых комиссиях** (Изв. ВЦИК от 4/II—22 года), там же.

4) **О безотлагательном и обязательном проведении повсеместно в Российской Федерации Советских Республик всех налоговых мероприятий, вводимых ВЦИК** (Изв. ВЦИК от 30/IV—№ 95).

5) **О воспрещении законодательным и административным учреждениям союзных и автономных советских республик устанавливать какие-либо изъятия в обложении** (там же).

6) **О распространении в полном объеме на всю территорию РСФСР и на все союзные с ней республики декрета СНК от 9-го августа о продаже виноградных плодово-ягодных и изюмных вин** (Изв. ВЦИК, № 177 от 12/VIII—21 года). Постановление СНК об ответственности за нарушения декрета о продаже виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин (Изв. ВЦИК, № 237 от 22-го октября 21 года) и постановление СНК от 8-го декабря 21 года о продаже виноградных вин (Изв. ВЦИК, № 280 от 13/XII). Опубликовано в «Изв. ВЦИК» от 3-го мая, № 96.

7) **Декрет ВЦИК о повышении акциза на виноградные, плодово-ягодные и разные вина.** Ведро всякого вина с содержанием алкоголя не свыше 13½ гр. оплачивается акцизом в размере 6.400.000 руб. При содержании алкоголя свыше 13½, но не более 20 градусов, в размере 16.000.000 руб. За ведро игристых вин сорок пять миллионов рублей. Все запасы вин, находящиеся в оптовых складах и торговых заведениях ко времени введения в действие декрета (с момента его опубликования), подлежат дополнительному обложению акциза до пределов, установленных в декрете.

В. Аронович.

СУД и ЖИЗНЬ.

Из повседневных заметок судебного работника.

Действительная жизнь часто пренебрегает сюрризи, непредусмотренные статьями декретов.

Так ст. 46 декрета о Нарсуде гласит, что суд может допускать к защите членов организации, в которой состоит обвиняемый.

А в одном недавно слушавшемся показательном в концентрационном лагере деле по обвинению одного из заключенных в краже, произведенной в том же лагере, случилось так, что защитник по каким-то причинам не прибыл на процесс. Обвиняемый уже несколько времени до суда содержался в карцере; дело предназначалось к слушанию несколько раз и несколько раз, по всяким уважительным (а может быть, и не совсем уважительным) причинам, откладывалось.

Откладывать вновь дело совершенно не представлялось возможным, как и заслушать без сто-

рон, так как дело было из разряда неясных—уликое. Состав суда, обвиняемый, свидетели, обвинитель налицо,—как быть?

Пришлось применить некоторую «вольность», иногда практикующуюся, и невольно в показательном процессе.

Декрет в ст. 46 говорит о допущении к защите членов организации, в коей состоит обвиняемый, но хороша «организация» была в данном случае... концентрационный лагерь!

Однако, ст. 47 декрета трактует о разрешении судом в отдельном заседании вопроса о защите в зависимости от характера дела и личности обвиняемого.

Суд посоветался и допустил к защите... члена «организации»—одного заключенного, оказавшегося, по предварительной справке суда, по своей доре-

волюционной специальности... мировым судьей и с репутацией примерного поведения в стенах лагеря.

«Зависимость» между личностью обвиняемого заключенного и такового же защитника была налицо, зато подгуляла... «организация».

Самое же главное, что появление в качестве защитника заключенного произвело на присутствовавших заключенных громадное впечатление. Аудитория оценила великодушное доверие народного суда, приветствовала единодушными аплодисментами решение суда о допущении защитником заключенного из благоговейной тишине заслушала долго ожидаемый процесс.

Не мешало бы обратить серьезное внимание на некоторые мелочи наших судебно-делопроизводственных порядков и положить им давно заслуженный конец. Некоторые дела в канцеляриях некоторых наших судов содержатся в таком порядке, что легко может создаваться, в лучшем случае, удобная почва для различных... случайностей, а в худшем, и для чего-нибудь иного. Сплошь и рядом, в делах оказываются неподшитыми документы, как-раз особо важного значения. Так, в одном деле по обвинению группы лиц в изготовлении и пользовании фальшивыми документами, деле, всецело построенном на этих документальных уликах, как-раз все мандаты, удостоверения и проч. документы, уличавшие обвиняемых, были не вшиты, а небрежно вложены в дело.

Небрежность, совершенно недопустимая и небезопасная во всех отношениях.

Кстати о наименованиях некоторых дел. Это уже из области... курьезов, признаться не совсем-то уме-

стных, а верней, и вовсе неуместных в такой серьезной области работы, как работа юстиции, но,—что делать,—еще Гоголь писал: «каких только прозвищ нет на Руси». Перефразировав слова писателя, можно сказать: «каких только наименований дел нет в наших судах».

Справедливость требует сказать, однако, что у нас уже вывелась из обихода та классическая безграмотность в наименовании дел, которую отмечал А. Ф. Кони в своих воспоминаниях о производившихся им ревизиях делопроизводства следователей, подчас, как говорит автор, очень добросовестных, знающих и трудолюбивых, но умудрявшихся, по простоте душевной, озаглавливать дела: «о произнесении похвальных слов» или «об отнятии кафтана», или «о сомнительном причинении смерти», о «нанесении волостному старшине кулаками буйства на лице», а то и просто: «о происшествии, заключающемся из преждеревенных родов» («На жизненном пути», том 1-й).

Но чем лучше, все-таки, и современные не лишены оригинальности наименования некоторых дел, как, например: «дело о продаже крупы и о прочих преступлениях» или: «дело об использовании положения и служебных домогательств», или ашлаг на дверях суда пред слушанием процесса «дело по расхищению народных достояний».

Несомненно одно: много еще предстоит нам работы в сфере ликвидации безграмотности.

С. Никитин.

В Московском Совнарсуде.

В Московском совнарсуде еженедельно по понедельникам бывают доклады по различным вопросам теории и практики судебной и, вообще, советской работы.

Жизненность такого начинания настолько очевидна, что нужно только обратить внимание на дальнейшее развитие этих дискуссионных собраний. К сожалению, на собраниях бывают только московские работники, а губернские лишены этой возможности. Совнарсуд должен принять меры к тому, чтобы тезисы докладов и принятые резолюции сообщались по уездам.

На собрании 24-го апреля были заслушаны три доклада представителей отдела труда, отдела охраны труда и М. Г. С. П. С. по вопросам об охране труда, о конфликтах, возникающих на почве применения наемного труда, и о порядке, разрешения этих конфликтов.

При новой экономической политике все эти вопросы приобретают сложный характер и прочитанные доклады о деятельности таких новых органов отдела труда и профсоюзов, как примирительные камеры, конфликтные комиссии и арбитражные (третейские) суды, и принятая резолюция, несомненно, помогут московским народным судьям лучше разобраться в возникающих делах.

Резолюция принята следующая:

«Постановление С. Н. К. от 18-го января 1922 года о порядке разрешения конфликтов, возникающих на почве применения наемного труда в негосударственных предприятиях и учреждениях, нужно понимать в том

смысле, что неисполнение постановления расчеточной конфликтных комиссий, примирительных камер, третейских судов и т. д. в порядке ст. 5-й постановления, а также незаключение коллективного договора по постановлению Президиума М. С. Р. и К. Д., влечет за собой привлечение к уголовной ответственности как частных предприятий, так и государственных и хозяйственных органов. В отношении частных предприятий по смыслу ст. 4-й постановления при необходимости имущественного взыскания по делам, передаваемым из конфликтных комиссий, хотя последними и было вынесено то или иное постановление, суду надлежит рассматривать эти дела по существу исковых претензий, принимая во внимание материал конфликтной комиссии, причем представляемый материал должен быть хорошо подготовленным, что же касается имущественных взысканий с государственных предприятий, то для них обязательно и окончательно постановление губернского отдела труда.

Постановление конфликтной комиссии государственными органами должно исполняться в порядке исполнения судебных решений по вине совнарсуда. По делам о заработной плате допускать обязательное обеспечение иска при ходатайствах и предварительное исполнение при разрешении дела. Истцами по делам рабочих с предприятиями являются те, кто ищет; производственные союзы могут выступать лишь в качестве представителей интересов сторон по своему положению без особого мандата, причем представители, командруемые в народный суд, должны быть вполне компетентными по вопросу».

Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции. Практика Высшего Судебного Контроля.

I. Закон не дает права ходатайствовать об освобождении по религиозным убеждениям от трудповинности.

Гражданка Верховская подала 6-го декабря 1920 года заявление в трудкомдезертир об отказе по религиозным убеждениям от какой бы то ни было трудовой повинности и, в частности, от шитья белья для красной армии. Межведомственная комиссия по борьбе с труддезертирством означенное заявление препроводила в народный суд Сокольнического района.

Приговором народного суда от 21 июня 1921 г., признавшим отказ гражданки Верховской от пошивки белья явным уклонением от общественно-необходимой работы, было постановлено: «для оздоровления религиозной глупости направить Верховскую в концлагерь сроком на 1 год с условным освобождением через 3 месяца».

Приговор народного суда был отменен 31-го октября п. г. совнарсудом на том основании, что дело это, согласно циркуляра Народного Комиссариата Юстиции, подсудно особой сессии и что в приговоре имеются недопустимые для официального документа выражения.

Особая сессия при совнарсуде, на рассмотрение которой означенное дело поступило, имея в виду, что декрет от 4-го января 1919 года об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям не распространяется на граждан, отказывающихся по таким же убеждениям от трудовой повинности, признал дело суду неподсудным и производством прекратил. В порядке надзора означенное дело препровождено в отдел юстиции, а последним в НКЮ.

Отказ от трудовой повинности является беззачинным проступком уголовно-наказуемым и карается согласно декрета о труддезертирстве и по настоящему делу у народного суда Сокольнического района не было оснований допускать экспертизу для выяснения религиозных убеждений гражданки Верховской.

Определение совнарсуда об отмене приговора и направлении дела в особую сессию по гражданскому отделению неправильно, так как нарушение циркуляра Народного Комиссариата Юстиции и допущенные судом неудачные выражения в приговоре не могут служить достаточным основанием к отмене правильного по существу приговора.

Равным образом, не может считаться правильным постановление особой сессии о прекращении дела за неподсудностью его судебным органам, т. к. по декрету о трудповинности от 9-го мая 1921 года (Собр. Уз. № 46—1921 г.) дела о трудповинности по усмотрению комиссии по борьбе с труддезертирством могут быть направлены в народные суды, к тому же для особой сессии было обязательным определение совнарсуда о подсудности его особой сессии.

Однако, имея в виду, что дело это в настоящее время, после отмены трудповинности, не имеет практического значения и что проступок Верховской покрывается амнистией от 4-го ноября 1921 года, коллегией Отдела Высшего Судебного Контроля определено: настоящее дело производством прекратить, о чем сообщить Московскому губернскому отделу юстиции и губсовнарсуду.

(Определение по гражд. делу № 262—1922 г.)

II. Преступление ли непубличное пьянство членов сельсовета.

Приговором народного суда особой сессии при саргубсовнарсуде от 12-го октября 1921 г. гр-не Маркель и Крайбель по обвинению в пьянстве приговорены к лишению свободы на 3 года каждый.

В жалобе своей осужденные указывают, что в их деянии нет состава преступления, так как распитие самогонки происходило не публично, а в частном доме, а также на то, что суд и приговорил их к чрезмерно суровому наказанию.

Принимая во внимание, что 1) хотя распитие крепких напитков в частном доме, как общее правило, и не является преступным по смыслу п. 11 декрета «О воспрещении изготовления и продажи крепких напитков» (Собран. Узак. и Распор. № 1—2—1920 года, ст. 2), однако, ввиду того, что гр. Маркель—председатель и Крайбель—член исполкома являлись высшими должностными лицами в своем селе, а потому, распивая самогонку в избе своего односельчанина и тем, вместо искоренения, потворствуя своим поведением выкурке самогонки—промыслу, признаваемому преступным декретами Республики, несомненно, дискредитировали в глазах местного населения советскую власть; 2) что указание осужденных на чрезмерную суровость наказания не заслуживает уважения, так как мера наказания определяется судом по совести в зависимости от обстоятельств дела.

Отдел Судебного Контроля жалобу гр. Маркель и Крайбель оставил без последствий.

(Определение по угол. делу № 94—1922 года.)

III. Все договоры, связанные с землепользованием, с изданием декрета о социализации земли утратили силу.

Народный Комиссариат Юстиции по Отделу Высшего Судебного Контроля, заслушав дело по жалобе булгаковской мукомольной артели на решение народного суда 3-го участка Кирсановского уезда по иску к ней 2-го гавриловского о-ва гр. о праве на мукомольную мельницу, нашел: 1) с изданием декрета о социализации земли все правоотношения, связанные с владением и пользованием землей, в корне изменились и прежние договоры о предоставлении прав на землю, заключенные бывшими собственниками, утратили всякую силу. Строения, находящиеся на земле, неразрывно с ней связанные, следуют судьбе земли, почему и договоры о пользовании строениями также не могут сохранять своей силы; 2) поэтому и арендный договор о мельнице от 27-го декабря 1915 года утратил свою силу. Этот вывод находит свое подтверждение в том, что ответчики—артель за время со дня революции по день возвращения участка земли, на котором находится мельница, имели отношение не к своим контрагентам по договору—2-му гавриловскому о-ву, а к другому булгаковскому о-ву, которому была передана временно эта земля земорганами, и к мельничной секции УСНХ, работая на мельнице, очевидно, не на основании арендного договора, а в силу распоряжения подлежащих органов власти; 3) ремонт и прочие улучшения, произведенные на мельнице артелью, поскольку они будут установлены судом и поскольку они не использованы арендаторами, дают им право на требование

возмещения расходов со стороны 2-го гавриловского о-ва, которое воспользовалось этими улучшениями, но не могут повлиять на признание за ними прав на пользование мельницей.

По этим соображениям жалоба булгаковской коммунальной артели оставлена без последствий.

(Определение по гражд. делу № 583—1921 г.).

IV. Отмена приговора реввоенжелдортрибунала по делу об убийстве, как подсудному нар. суду.

4-го сентября 1921 года на ст. Рудянек Западных жел. дор., приехала 17-ти летняя Валерия Ковалевская в сопровождении своего знакомого—агента угрозьска той же станции Исаака Фундыллера. Последний познакомил Ковалевскую с агентом ОРТЧК—Александром Ломако и они все втроем провели ночь с 4-го на 5-е сентября в комнате Ломако. Между 9-ю и 10-ю часами утра раздался в комнате Ломако выстрел, а через несколько минут находившиеся на станции увидели бегущих откуда-то к комнате Ломако и Фундыллера. По осмотре комнаты Ломако, в ней оказалась сидевшая в кресле Ковалевская со смертельной раной в висок. Судебно-медицинской экспертизой трупа найдено, что в данном случае произошло не самоубийство, а убийство.

Привлеченный к следствию Ломако показал, что, будучи утром 5-го сентября вызван на погрузку, он оставил в комнате Фундыллера и Ковалевскую одних, причем забыл свой револьвер на столе. Через некоторое время к нему прибежал Фундыллер и сообщил, что Ковалевская застрелилась в то время, как он пошел по ее просьбе за водой. Прибежав в свою комнату, он, Ломако, нашел окровавленный револьвер, лежавший около мертвой Ковалевской на столе. Растерявшись, он взял револьвер и вытер кровь с него о свою шинель, чем и объясняется наличие на последней кровавых пятен.

Фундыллер показал, что он с Ломако и Ковалевской провели вместе ночь до утра в комнате Ломако. Под утро Ковалевская попросила принести ей воды, возвратившись он застал ее мертвой и сейчас же побежал сообщить об этом Ломако.

Привлеченные к суду по обвинению в убийстве Ковалевской на основании заключительного постановления следователя Реввоенжелдортрибунала Западных жел. дор. от 11-го ноября 1921 года Ломако и Фундыллер приговором Реввоенжелдортрибунала Западных жел. дор. от того же числа были признаны виновными в убийстве Ковалевской.

Мотивы приговора следующие:

«Хотя Ломако и Фундыллер и отрицают убийство ими Ковалевской, тем не менее все данные, как судебно-медицинской экспертизы, так и свидетельских показаний определенно говорят за то, что Ковалевская не покончила жизнь самоубийством, а была убита одним из них, т. е. Ломако или Фундыллером».

Отдел Судебного Контроля находит:

1. Ревжелдорвоен трибунал, поскольку им была отвергнута версия самоубийства Ковалевской и признана наличие убийства, обязан был взвесить и обсудить 3 возможных предположения: первое—убийство совершено одним только Ломако, второе—убийство совершено одним только Фундыллером, третье—в убийстве участвовали оба—и Ломако и Фундыллер по предварительному сговору или без такового. Не разрешив ни одного из этих обязательных для суда вопросов, реввоен трибунал счел возможным признать виновными обоих подсудимых на том лишь основании, что кто-либо из двоих участвовал в преступлении, каковой приговор мог бы быть вынесен лишь в том случае, если бы реввоенжелдор трибунал признал, что оба подсудимых участвовали в преступлении. Признание же виновными обоих подсудимых при установлении лишь судом, что один из них совершил преступление, таит в себе явное противоречие.

2. При неясности мотивов и целей совершения данного преступления реввоенжелдор трибунал обязан был проявить особую тщательность в проверке улик против каждого из подсудимых и в высокой степени осторожное взвешивание таковых. Реввоенжелдор трибуналу надлежало обсудить в приговоре как улики против каждого из подсудимых в отдельности или против обоих вместе, так и данные, говорящие в пользу невинности того или другого подсудимого. Отсутствие на это указаний в приговоре может дать основание думать, что реввоенжелдор трибунал не обсудил эти данные. Поэтому не может быть признано правильным, например, отсутствие в приговоре оценки показаний данного на дознании свидетелем Алексеем Ломако, устанавливавшим алиби подсудимого Фундыллера.

3. Кроме вышеуказанных весьма существенных нарушений, реввоенжелдор трибуналом допущены следующие нарушения:

а) Заключительное постановление следователя, постановление распорядительного заседания о назначении дела к слушанию и приговор по делу датированы одним числом, 11-го ноября, из чего явствует, что в нарушение ст. 16-й основного Положения о рев трибуналах, заключение следователя не было вручено подсудимым за 24 часа до судебного заседания.

б) Рассмотрение дела в военно-транспортном трибунале состоялось в нарушение ст. 10-й Положения о ревжелдор трибуналах и ст. 2-й основного Положения о рев трибуналах, так как деяние, в котором обвинялись Ломако и Фундыллер, ни в какой степени не связано с нарушением деятельности транспорта.

На основании изложенного Отдела Судебного Контроля определил: признать приговор Реввоенжелдор трибунала Западных жел. дор. не имеющим законной силы, дело передать для нового рассмотрения по подсудности в особую сессию при Минском совнар суде-

(Определение по угол. делу № 330—1921 года).

ХРОНИКА.

Институт советского права.

19-го ноября 1920 года Государственный Ученый совет утвердил положение об Институте советского права при Московском Государственном Университете.

Институт имеет своей целью всестороннее

изучение проблем правового социалистического строительства и подготовку профессоров и преподавателей для высших учебных заведений и квалифицированных научных работников в области советского правового строительства.

Соответственно целям работа Института распадается на научно-исследовательскую и на подготовку преподавателей высших учебных заведений по советскому праву.

В области научных исследований Институтом проделана следующая работа:

По секции государственного и административного права.

Заслушаны доклады: проф. А. И. Елистратова: 1) административная юстиция и советский строй; 2) местные органы власти РСФСР; 3) о снабжении просветительных учреждений на местные средства; 4) роль и задачи профсоюзов РСФСР; проф. С. А. Котляревского: 1) автономно-федеративное устройство РСФСР; 2) народные комиссариаты и местные органы; 3) бюджетное право РСФСР; проф. В. И. Устинова: 1) организация законодательной власти в РСФСР; 2) проблема инкорпорации советского права; 3) устарелости советской конституции; В. А. Коровина: 1) международное право переходного периода; 2) юридическая природа Лиги Наций и РСФСР.

В результате заслушивания докладов были образованы комиссии для разработки проекта декрета об административной юстиции в РСФСР и бюджетного права. Проект декрета об административной юстиции разработан и сдан с объяснительной запиской в коллегию НКЮ.

Секция подготовила и перевела на немецкий, французский и английский языки сборник «Конституционное право РСФСР». Содержание сборника: 1) «Государство переходного периода» Д. А. Магеровского; 2) «Источники советского публичного права и государственные акты в советском строе»; 3) «Положение национальностей и автономно-союзное устройство Советской России»—С. А. Котляревский; 4) «Центральные органы советской власти»—Д. А. Магеровский; 5) «Местные органы советской власти»—Г. С. Михайлов и 6) «Бюджетное право РСФСР»—С. А. Котляревский.

По секции судебно-карательного права и криминологии.

Секция подготовила к изданию и перевела на французский и английский языки сборник: «Судебно-карательное право РСФСР», состоящий из статей: «Краткий очерк о народном суде по законам РСФСР», «О чрезвычайных органах репрессии в РСФСР», «Пенитенциарная система Р. С. Ф. С. Р.», «Борьба с детской преступностью в Советской России и соответствующие декреты».

На заседаниях секции заслушаны доклады: М. М. Исаева—«Общая характеристика проекта уголовного кодекса, выработанного особой комиссией при общеконсультационном отделе НКЮ»; А. М. Ароновича—«Об опасном состоянии преступника», Я. А. Бермана—«О революционной законности», Русецкого—«Новые идеи в судебной фотографии» и другие.

Секция приступила также к составлению пособия по уголовному праву и процессу. Пособие это должно явиться введением к изучению судебно-карательного права РСФСР.

По секции хозяйственно-трудового права.

Секция подготовила и перевела на французский и английский языки сборник «Хозяйственное

право РСФСР».

Из научных докладов могут быть отмечены следующие: проф. Вормс—«Эволюция аграрного законодательства РСФСР»; Теттенборн—«Социальное обеспечение, как правовой институт советского строя»; Таль—«Правовые основы хозяйственного строя РСФСР»; В. Н. Шретер—«О целесообразности и необходимости издания положения об общей части обязательственного права» и другие.

Секция prepares два сборника. Первый сборник «Хозяйственное право РСФСР». Общая редакция поручена Д. В. Кузовкову. Содержание сборника: 1) «Основные предпосылки и исторический очерк развития организаций хозяйственного строя РСФСР»—Л. Н. Крицман; 2) «Источники хозяйственного права РСФСР»—В. Н. Шретер; 3) «Правовая организация промышленности»—В. Н. Шретер; 4) «Земельное право»—Д. С. Розенблум; 5) «Правовая организация транспорта»—В. Н. Шретер и 7) «Право внешнего товарообмена»—А. Э. Вормс. Второй сборник «Советское трудовое право». Общая редакция поручена И. С. Войтинскому. Содержание сборника: 1) «Организация труда и трудовое право»; 2) «Профсоюзное право»; 3) «Правовая организация привлечения к труду и распределения рабочей силы»; 4) «Тарифное право»; 5) «Правовая организация охраны труда» и 6) «Социальное обеспечение рабочих». В сборнике принимают участие: Войтинский, Д. М. Генкин, А. И. Елистратов, Данилова, Каплун, Милотин и некоторые другие.

Подготовка преподавателей высших учебных заведений по советскому праву.

К осуществлению этой задачи Институт приступил только в конце 1921 года.

В основу постановки занятий научных сотрудников положена система семинаров.

Для сотрудников всех секций обязательны семинары по двум предметам: 1) «Исторический материализм»; и 2) «Политическая экономия».

По секции государственно-административного права открыты семинары: по государственному праву (руководители проф. Котляревский и проф. Магеровский) и по административному праву (руководители проф. Елистратов и Михайлов).

По секции хозяйственно-трудового права открыты семинары: по хозяйственному праву (руководители: В. Ю. Вольф, А. Э. Вормс, Д. С. Розенблум и В. Н. Шретер) и по трудовому праву (руководители: И. С. Войтинский, Д. М. Генкин и Е. Н. Данилова).

По секции судебно-карательной семинарии в виду поступления недостаточного числа научных сотрудников отсрочены.

В общем плане занятий научных сотрудников непосредственные занятия в семинарии преследуют цель овладения методами научной работы. Установлена система триместровых отчетов и обязательных докладов по теоретическим вопросам права, исторического материализма и политической экономии и сообщения о работах над источниками советского права.

В настоящее время Институт открыл прием заявлений от лиц, желающих поступить в число научных сотрудников Института. Приемные испытания будут производиться в первых числах сентября.

К изучению советского права.

19-го апреля в Вятке организовался кружок по изучению советского права.

Инициатива учреждения кружка принадлежит председателю губревтрибунала т. Фарафонову.

Кружок возник под влиянием решения работников юстиции о необходимости пополнить свои знания в области правовых наук и судебной работы. Главная задача его—самообразование.

В настоящее время в кружок предполагается принимать только деятелей юстиции и лиц так или иначе причастных к судебной работе. Но в дальнейшем кружок намерен расширить свою деятельность и распространять правовые знания среди рабочих и профессиональных организаций. На заседаниях кружка будут обсуждаться важнейшие законодательные акты, а также теоретические вопросы права. Будут делаться доклады, читаться рефераты и т. д.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Христофорову (Бронницы). Приймачество законом не предусмотрено, но поскольку оно является одной из форм усыновления—незаконно. Принципиально, если даже признать усыновление возможным, то приймачество совершенно неприемлемо. (См. ст. 6 «Еженедельника», № 13—«Вопросы действующего семейного права»).

Сотрудникам Гомельского губотюста: Правила поступления на правовое отделение ФОН московского университета на 1922 год в настоящее время еще неизвестны. Как только эти правила будут у-

тверждены, об этом будет сообщено в хронике «Еженедельника».

Брянск. Тов. Болтинову. Тема вашей статьи является интересной и своевременной, но она мало разработана. Попробуйте еще развить доводы.

Народному судье 5-го участка Козловского уезда. Тамб. губ. Ссылка на соответствующие постановления Высшего Судебного Контроля, печатаемые в «Еженедельнике», в мотивировке решений и приговоров является вполне допустимой.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Постановление Совета Народных Комиссаров о наказаниях за нарушение постановлений об охране труда.

В виду участвовавших случаев нарушения постановлений об охране труда Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Нарушение установленных кодексом законов о труде и общим положением о тарифе правил, регулирующих продолжительность рабочего дня, сверхурочные часы, ночную работу, работу женщин и подростков, оплату труда, прием и увольнение, а также нарушение специальных норм об охране труда, карается штрафом не ниже 100.000.000 (ста миллионов) рублей и до 1.000.000.000 (одного миллиарда) руб. или принудительными работами на срок не ниже 3 месяцев или лишением свободы на срок до одного года.

2. Наложение штрафов, предусмотренных предыдущей статьей, предоставить исключительно народному суду.

3. Обязать инспекторов труда о всяком случае нарушения постановлений об охране труда составлять немедленно протокол и передавать его не позже как через сутки в подлежащий народный суд.

4. Народные суды обязаны рассматривать дела о нарушении постановлений об охране труда не позже как через неделю со времени поступления дела, а в случаях явной бесспорности нарушения—в порядке судебного приказа.

5. Инспектора труда и народные судьи за нарушение постановлений, указанных в ст. 3 и ст. 4 настоящего постановления, отвечают как за бездействие власти.

6. Народному Комиссариату Юстиции, по соглашению с Народным Комиссариатом Труда, в недель-

ный срок разработать инструкцию по применению настоящего постановления.

За председателя Совета Народных Комиссаров
А. Цюрупа.

За управляющего делами **В. Смольянинов.**
Секретарь **Л. Фотиева.**

Москва, Кремль, 27 апреля 1922 года.

Циркуляры Наркомюста.

Циркуляр № 32.

I.

Заведывающим Отделами Юстиции.

Об установлении устойчивости служебного положения зависправтрудов.

Из имеющихся сведений о постановке дела в подведомственных Народному Комиссариату Юстиции исправительно-трудовых учреждениях Республики усматривается весьма частая смена заведывающих местными исправительно-трудовыми п/отделами и привлечение их к исполнению других обязанностей.

Народный Комиссариат Юстиции считает необходимым указать на сложность работы зависправтрудов, требующую значительной подготовленности и опыта, почему частая смена их ведет к ослаблению работы аппарата.

При многосложной и ответственной деятельности заведывающих исправительно-трудовыми п/отделами в некоторых случаях могут, конечно, иметь место известные усущения, но в таких случаях, в интересах дела, несравненно лучше и полезнее не смещать зависправтрудов и заменять их другими менее или совершенно неподготовленными лицами, а ограничи-

ваться другими мерами воздействия, доводя в каждом отдельном случае до сведения Центрального Исправительно-Трудового Отдела.

Вообще, необходимо помнить, что изучение работы достигается в процессе ее и что частое введение в работу новых неподготовленных для продолжения ее элементов не только приостанавливает ее развитие, но, наоборот, возвращает ее в прежнее состояние. Равным образом и в значительной степени, ослабляет работу исправительно-трудовых п/отделов привлечение заведывающих этими п/отделами к другим работам.

При этих условиях исправительно-трудовые п/отделы остаются на некоторое время без руководителей, а это, при обширности работ в них, вызывает отрицательные последствия.

В виду изложенного Наркомост предлагает принять зависящие меры к установлению более устойчивого служебного положения заведывающих исправительно-трудовыми п/отделами.

Народный Комиссар Юстиции **Курский.**

Член Коллегии НКЮ, заведывающий ЦИТО
Л. Саврасов.

8 апреля 1922 г.

II. *Циркуляр № 38.*

Всем заведывающим отделами Юстиции.

О лицах, ответственных по делам о хищении церковных ценностей.

В дополнение к циркуляру № 25—1922 года и циркулярной телеграмме № 26—1922 года Народный Комиссариат Юстиции предлагает:

1. Во всех случаях возникновения дел о хищениях церковных ценностей принимать меры к привлечению, во время производства предварительного следствия, к уголовной ответственности, независимо от фактических совершителей преступного деяния, всех лиц, которые по своему юридическому или фактическому положению являлись хранителями церковных ценностей.

Если нет достаточных данных к обвинению означенных лиц в соучастии в хищении, они должны привлекаться к ответственности за небрежность или неосторожность в хранении этих ценностей.

2. Одновременно с этим, т.е. также во время производства предварительного следствия, к хранителям церковных ценностей от имени соответствующего исполкома, который передал церковные ценности в пользование верующих, должен предъявляться в народном суде (по особой сессии) гражданский иск в размере стоимости похищенных ценностей, причем поддержание этого иска на суде должно возлагаться на особое лицо, командированное губотюстом.

Примечание: При проверке церковного имущества необходимо требовать от лиц, пользующихся имуществом, обязательного представления старых (до декрета об отделении церкви от государства) инвентарных книг, описей, клировых ведомостей, независимо от описей, составленных при заключении договора местным советом. Непредставление, сокрытие, представление в испорченном виде означенных документов должно служить основанием к привлечению виновных в этом лиц к судебной ответственности за уничтожение или сокрытие казенных документов.

3. В отношении тех дел, которые ныне уже поступили в народные суды, гражданские иски должны быть немедленно предъявлены в суд, рассматривающий уголовное дело, а если уголовное дело уже закончено, надлежит предъявлять соответствующие гражданские иски в гражданском порядке в народном суде.

Такие же иски в народных судах должны предъявляться по всем делам, направленным и рассмотренным в ревтрибуналах, приняв меры к своевременному обеспечению этих исков.

Ответственность за проведение всех вышеизложенных распоряжений в жизнь возлагается лично на заведующих отделами юстиции.

Народный Комиссар Юстиции **Курский.**

27 апреля 1922 г.

III.

Циркуляр № 39.

Губотюстам.

(Телеграфно).

Срочно затребуйте и препроводите Наркомост первому июня сведения размерах штрафов пользу голодающих наложенных и взысканных судорганами также когда куда сданы взысканные суммы.

Народный Комиссар Юстиции

Курский.

IV.

Циркуляр № 41.

Всем Отделам Юстиции.

Об освобождении из лагерей принудработ женщин, имеющих детей до 12 лет.

На основании постановления президиума ВЦИК от 2-го мая с. г. Народный Комиссариат Юстиции разъясняет, что п. 6 постановления президиума ВЦИК от 9-го января с. г. об освобождении некоторых категорий заключенных из лагерей принудительных работ надлежит понимать в том смысле, что он распространяется на женщин, имеющих малолетних детей до 12 лет, не только находящихся вместе с ними в лагере, но хотя бы и вне лагеря, если эти дети являются безпризорными.

Настоящее распоряжение надлежит принять к сведению и исполнению, известив о нем подлежащие органы.

Народный Комиссар Юстиции

Курский.

16 мая 1922 года.

V.

Циркуляр № 42.

Всем Отделам Юстиции.

О порядке производства дел о лесных пожарах.

В целях планомерной и энергичной борьбы с лесными пожарами Народный Комиссариат Юстиции предлагает всем подведомственным органам принять к руководству и исполнению нижеследующие правила:

1. В случае поступления в судебные или следственные органы сведений о происшедших лесных пожарах, означенные органы обязаны немедленно принять необходимые меры к расследованию дела, обнаружению виновных и привлечению их к ответственности.

2. Все дела как по означенным преступлениям, так и, вообще, дела, касающиеся нарушения правил пожарной охраны лесов, должны рассматриваться народными судами в течение не более как двух недель со дня поступления дела в народный суд.

3. На народные суды возлагается обязанность следить за вступлением приговоров по указанным делам в законную силу и немедленно по вступлении этих приговоров в законную силу делать распоряжения о приведении их в исполнение.

Народный Комиссар Юстиции **Д. Курский.**

20 мая 1922 года.

Вышел и поступил в продажу издаваемый Трудовой артелью печатного дела
№ 1 журнала Института Советского Права:

„СОВЕТСКОЕ ПРАВО“.

СОДЕРЖАНИЕ:

Статьи: Д. И. Курский. Ближайшие задачи изучения советского права.—П. И. Стучка. Государство и революция.—Д. А. Магеровский. Советское право и методы его изучения.—В. Н. Дурденевский. Совет Народных Комиссаров. И. С. Войтинский. Организация труда и трудовое право.—А. Э. Вормс. Смешанные акционерные общества.—**Советское правовое строительство.** С. К. Обзор правовой деятельности органов РСФСР за 1921 г.—Е. А. Коровин. Инстр. филантр. деятельность в РСФСР.—М. А. Мебель. Законодательство о потреб. кооперации.—А. И. Елистратов. Об утвержд. законности в советском строительстве. — **Библиография.**

Цена № в отдельной продаже 300 р. д. з. 1922 г; продажа производится в магазине Народного Комиссариата Юстиции: Москва, Рождественка, 9, в конторе журнала: Тверская, 58, и др. книжных магазинах.

Принимается подписка на

„Еженедельник Советской Юстиции“.

Условия подписки с 1 июня 1922 г.:

за 12 номеров в Москве без доставки	275 руб. дензнаками	1922 г.
„ 12 „ „ „ с доставкой	300 „ „ „	1922 „
„ 12 „ „ провинции	300 „ „ „	1922 „

Подписка принимается до 1-го июня с. г. в Главной Конторе изданий Наркомюста. Адрес: Москва, Рождественка, д. 9.

На вышедшие до 1 июня с. г. номера „Еженедельника“ подписка не принимается. Оставшиеся на складе в небольшом количестве номера высылаются наложенным платежом.